

Анна Шилд
Ада Огнева

Сценарий для
МАЖОРА

Ада Огнева

Сценарий для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Сценарий для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Леся Ракитина живёт театром: сырым подвалом на Таганке, старой «Чайкой» и труппой, которую вот-вот выкинут на улицу. Спасти сцену может Глеб Сабуров, выкупивший их долг. Но продюсер предлагает контракт, подчиняющий ему её карьеру, график и личную жизнь. Леся отказывается играть удобную роль. Глеб заключает пари: тридцать дней рядом — и она сама попросит о сделке. Он привык покупать всё. Она готова сорвать любое представление, в котором ей отведено место трофея. Только за кулисами всё чаще происходит то, чего не было ни в одном сценарии.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Шилд

Сценарий для мажора

Сценарий для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В нашем подвале на Таганке всегда пахло одинаково. Этот запах нельзя было спутать ни с чем на свете. Смесь старой влажной штукатурки, толченой канифоли для балеток, дешевого растворимого кофе и вечной пыли, намертво въевшейся в тяжелые темно-бордовые кулисы. Осенью к этой смеси примешивался горьковатый дух прелых листьев из соседнего сквера, затягиваемый сквозь низкие решетчатые оконца под самым потолком, зимой же воздух наполнялся ледяной сыростью векового кирпича.

Я стояла посреди дощатого помоста в старых черных трико и стоптанных танцевальных туфлях. Сквозь истончившиеся подошвы я чувствовала каждую щель между досками. Здесь каждый брус имел собственный голос. Наступишь чуть правее центрального светового круга — пол отзовется глухим ворчанием, сместишься к правой кулисе — жалобно скрипнет, словно живой человек.

— Опять висишь на связках, Ракитина, — раздался из темноты шестого ряда сухой, простуженный голос.

Я замерла, не опуская подбородка. В черном провале зала, где стояло сорок старых фанерных кресел со свалки закрытого клуба железнодорожников, горела только одна маленькая настольная лампа под зеленым абажуром. Возле нее сидел Марк Савельевич. Наш худрук, основатель, главный мучитель и единственный человек в Москве, ради которого я была готова репетировать по двенадцать часов подряд без обеда и выходных.

Ему перевалило за семьдесят. Седой, сухопарый, в вечной застиранной шерстяной жилетке поверх байковой рубахи, он держал пальцами толстый суфлерский экземпляр чеховской «Чайки». Этот пухлый том, сшитый воценой драгвой и оклеенный по корешку серым ледерином, помнил студийные показы семидесятых годов. Бумага по краям пожелтела до цвета

топленого молока, поля были сплошь исписаны карандашными пометами трех поколений актеров. Для нашей труппы этот растрепанный фолиант служил настоящей святыней.

— Я ищу опору в дыхании, Марк Савельевич, — отозвалась я, переводя дух. Воздух в подвале был плотным, тяжелым, пропитанным каплями конденсата с водопроводных труб.

— Ты ищешь жалости к себе, деточка, — безжалостно отрезал старик, щелкнув ногтем по деревянному планшету. — Заречная в четвертом акте представляет собой сломанную птицу с железным хребтом. У нее ребенок умер, возлюбленный бросил, антрепренер в провинции издевался, купцы грубили и лезли с поцелуями. Ты же выходишь ко мне институточкой, у которой промокла туфелька на Тверском бульваре! Где трагедия ремесла? Где сумасшествие призвания?

Слева от меня громко вздохнул Костя. Мой бессменный Треплев и товарищ по курсу стоял, прислонившись спиной к фанерному щиту декорации, и нервно крутил в пальцах бутфорский револьвер из папье-маше. У Кости были мокрые от пота виски и серые круги под глазами. Вчера он до четырех утра разгружал фуры с овощами на Савеловском вокзале, чтобы заплатить за крошечную съемную комнату в Бирюлево, в девять утра уже стоял на этой сцене, повторяя сцену свидания.

— Дайте ей перевести дух, шеф, — хрипло попросил Костя. — Леся с шести утра на ногах. Она перед прогоном еще полы в фойе мыла, потому что тетя Вера слегла с поясницей.

— Тетя Вера слегла, дело труппы продолжается, — парировал Марк Савельевич, поднимаясь со скрипучего кресла. Он тяжело опирался на деревянную трость с медным набалдашником. В полутьме зала отчетливо слышался свист в его бронхах. Врачи еще весной категорически требовали постельного режима и санатория, старик только отмахивался от любых больниц, называя эскулапов паникерами. — В зрительном зале никого не волнует, кто мыл пол и сколько мешков картошки перетаскал Константин. Зритель покупает билет за триста рублей, спускается по сырým ступенькам в наше подземелье и ждет обнаженное человеческое сердце. Если сердца нет, закройте занавес и уходите торговать китайскими чехлами к метро!

Я закрыла глаза, сделала глубокий медленный вдох животом, как учил на первом курсе мастер сценической речи, и плавно выдохнула через разомкнутые губы.

В тишине подвала слышалось лишь монотонное гудение старого масляного радиатора в углу да мерное шуршание капель в водосток за внешней стеной. Дождь шел над Москвой уже третьи сутки. Вода сочилась сквозь микроскопические трещины в вековом кирпиче фундамента, оставляя на побелке темные разводы, похожие на контурные карты забытых островов.

— Давайте сначала, с моего входа, — твердо сказала я, поднимая глаза на мастера. — «Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила?..»

— Вот теперь голос встал на законную опору, — буркнул Марк Савельевич, опускаясь обратно в кресло. — Константин, отойди к столу. Начинай от двери, Ракитина. И помни, ты голодна, промокла до костей, в сердце выжженная пустыня, но ты остаешься актрисой!

Костя торопливо шагнул в густую тень кулисы. Я отступила к железной противопожарной двери, служившей нам порталом выхода героини. Металл обжигал спину ледяным холодом. Я нащупала пальцами ворот грубой шерстяной кофты, единственной детали сценического костюма, которую мы берегли пуще глаза, и шагнула вперед, в бледный конус света софита.

Слова полились сами собой. Они вырывались из груди с той яростной, почти физической болью, которая копилась во мне последние три года. Года бесконечной полуголодной борьбы за право выходить на сцену, спать по четыре часа в сутки, штопать старые капроновые чулки и отказываться от унижительных съемок в рекламе средств от облысения, которые с завидной регулярностью подсовывали ушлые однокурсники.

— «Я — чайка... Нет, не то. Я — актриса. Ну да! И он здесь... Ну да, все равно... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом...»

Я произносила реплику почти шепотом, каждое слово ударялось о сводчатый потолок и падало в пустые ряды тяжелым свинцовым шариком. Я видела, как Костя перестал крутить револьвер и замер, впившись взглядом в мои пальцы. Я слышала, как затаил дыхание Марк Савельевич, уронив руки на колени. В эту секунду подвал перестал казаться убогой сырой норой на Таганке. Он стал целой вселенной, где существовали предательство, отвергнутая нежность и нестигаемая гордость падшей, но великой души.

— «Теперь я другая... Я теперь настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной...»

Вдруг тяжелая входная дверь наверху, ведущая во внутренний двор доходного дома, с грохотом распахнулась.

Звук получился резким, грубым, чужеродным. Словно тяжелым кованым сапогом ударили по деке старинного рояля. По каменным ступеням лестницы загрели торопливые каблуки.

Я сбилась с дыхания. Фраза застряла в горле. Костя дернулся, нахмурившись, Марк Савельевич гневно ударил ладонью по деревянному подлокотнику кресла.

— Кого там несет посреди чистового прогона?! — громогласно осведомился старик в сторону лестничного проема. — Вера, я же велел запереть нижний железный засов!

В полутемный коридор фойе, придерживая больную поясницу, вышла запыхавшаяся тетя Вера. Ее так и не удалось уговорить остаться дома. На плечи нашей пожилой хранительницы гардероба была наброшена полинявшая пуховая шаль, в руках она судорожно комкала синий рабочий фартук. Круглое добродушное лицо женщины покрылось бледными пятнами, губы мелко подрагивали от испуга.

— Марк Савельевич... Беда пришла, Марк Савельевич, — прерывающимся шепотом выговорила она, спускаясь к самым подмосткам. — Там письмо из новой управляющей компании доставили. Курьер под личную роспись требовал. Я отказывалась брать, он прямо на порог бросил и судебными исполнителями пригрозил.

Старик медленно поднялся. Его сухие плечи под шерстяной жилеткой одеревенели, трость глухо стукнула о дощатый пол.

— Какое еще письмо? Мы заключили твердое джентльменское соглашение с Михаилом Сергеевичем об отсрочке платежей до первых декабрьских показов.

— Нет больше никакого Михаила Сергеевича, — тетя Вера протянула дрожащей рукой сложенный вчетверо казенный бланк худруку. — Продал он дом. Все старинное владение целиком продал на прошлой неделе. Огромному столичному холдингу из Сити. Новые владельцы передали управление помещением хищной девелоперской группе.

Марк Савельевич дрожащими пальцами развернул плотный лист бумаги. Я вернулась к краю авансцены и застыла от дурного предчувствия, и видела, как по благородному лицу старика поползла пепельная серость. Бумага в его руке тихо шелестела.

— Что там написано? — не выдержал Костя, бросив револьвер на стул и подбежав к худруку. — Сколько они требуют с труппы?

— Они требуют долг за три прошедших месяца, — глухим надтреснутым голосом произнес Марк Савельевич. — Миллион восемьсот тысяч рублей вместе с пенями. На расчет дают сорок восемь часов. Иначе грозят расторгнуть договор, сменить замки и вывезти сценическое имущество как строительный мусор. Послушайте, как они называли наши декорации. Мусор.

Слова повисли в холодном сумраке зала подобно похоронному колоколу.

Миллион восемьсот тысяч. Для нашего крошечного независимого театра, где сбор с аншлагового вечернего показа едва позволял рассчитаться за свет и купить пачку дешевого чая к репетициям, названная сумма означала окончательную гибель. У нас не водилось таких денег. Во всей труппе не набралось бы и ста тысяч, чтобы заменить лопнувший силовой кабель в щитовой.

— Это откровенный грабеж, — прошептал Костя, сжимая кулаки до хруста в суставах. — Чистый бандитский наезд в белых перчатках! Они нарочно задрали аренду до небес, чтобы очистить квадратные метры. Здесь же земля стоит безумных денег, до Садового кольца рукой подать. Тут откроют элитный спа-салон для скучающих жен чиновников или пафосный винный бар!

— Успокойся, Костя, — тихо проговорила я, легко соскочив со сцены в зрительный зал.

Сердце колотилось в горле бешеными толчками. Я подошла к мастеру и бережно обняла его за напряженное худое плечо. Пальцы старика напоминали ледышки, дыхание вырывалось с хриплым свистом.

— Марк Савельевич, сядьте. Вера, накапайте сердечных капель из аптечки. Немедленно.

— Оставь капли, Лесенька, — мастер печально покачал седой головой, тяжело опускаясь обратно на скрипучее сиденье. Он положил растрепанный суфлерский экземпляр Чехова на колени и накрыл ладонью пожелтевшие страницы, будто прикрывал беззащитного ребенка от пули. — Мы прожили в этих кирпичных стенах тридцать долгих лет. Тридцать лет непрерывного труда. Сюда заглядывали великие мастера после тяжелых съемок, здесь часами спорили о Шекспире лучшие артисты эпохи. Мы выстояли в дикие девяностые, когда во дворе гремели криминальные разборки. Играли при огарках свечей, когда жэковские чиновники обрубали нам провода. Неужели теперь все прахом пойдет? Из-за одной казенной бумажки с печатью?

— Ничего не пойдет прахом, — с яростным упрямством воскликнула я, опускаясь перед ним на корточки. Я сжала его узловатые ледяные ладони своими теплыми пальцами. — Мы не отдадим наш дом. Мы сыграем премьеру «Чайки». Я дойду до театрального союза, добьюсь личного приема в департаменте культуры, подниму на ноги всех критиков города! О нас писали в центральных журналах, нас знает интеллигентная публика!

Марк Савельевич слабо улыбнулся кончиками бескровных губ и ласково коснулся моих волос.

— Бедная моя отважная девочка... Нынешним хозяевам жизни глубоко плевать на театральные журналы. А наши преданные критики сами перебиваются случайными грошовыми гонорарами. Новым хищникам требуются пустые площади под увеселительные заведения. Их бог живет в электронных переводах, их душа помещается в строчке банковской выписки.

В зале снова воцарилась удушливая тишина. Лишь капли дождя за стеной мерно отсчитывали минуты до крушения нашего общего мира.

Я встала с колен, вернулась на дощатый помост и подняла упавшую шерстяную кофту Заречной. В висках пульсировала жгучая, бескомпромиссная ненависть к сытому внешнему миру, который стоял там, наверху, за чугунными воротами особняка, и с ледяным равнодушием уничтожал живое ремесло.

Но покоряться судьбе я не собиралась. Если нам суждено уйти на улицу, мы встретим удар стоя, глядя прямо в лицо опасности.

С верхней площадки лестницы снова донеслись тяжелые шаги. Шаги человека, не знающего слова отказ.

Глава 2

Шаги приближались неторопливо, с той особой ленивой уверенностью, которая бывает свойственна людям с безлимитными счетами и пожизненной привычкой открывать любые двери ударом дорогого ботинка.

Глухой стук подошв по выщербленным каменным ступеням эхом отдавался в узком сводчатом пролете. Затем в воздухе нашего подвала возник совершенно чужой запах.

Он вторгся нагло, без спроса, вытесняя привычный дух канифоли, сырой штукатурки и пыли. Это был сложный, тяжелый аромат элитного парфюма с горькими нотами кардамона, дорогого табака, жженого сахара и тонко выделанной кожи. Запах мужчин, которые никогда не спускаются в городскую подземку, не считают сдачу в супермаркетах и покупают спортивные автомобили по цене трех наших годовых театральных бюджетов.

Из арочного проема фойе в зрительный зал небрежно шагнули двое.

Первым шел мужчина лет тридцати двух. Высокий, широкоплечий, в темно-синем пальто из тончайшего кашемира, расстегнутом настежь. Под пальто виднелась безупречно отглаженная белоснежная сорочка без галстука с расстегнутым воротом и темно-серый шерстяной пиджак безукоризненного итальянского покроя. Темные густые волосы лежали с продуманной небрежностью, открывая высокий чистый лоб и резкие, хищные скулы. Холеное породистое лицо человека, привыкшего видеть в зеркале безусловного триумфатора. В холодных глазах цвета балтийского льда светилось ленивое, почти скушающее превосходство. На левом запястье под белой манжетой матово поблескивал массивный хронометр из белого золота.

В правой руке он небрежно держал толстую папку бордовой кожи с тисненными золотыми буквами.

Следом за ним, засунув руки в карманы потертой дизайнерской кожанки, переваливался его спутник. Плотный, круглолицый парень с аккуратной рыжеватой бородкой и наглыми масляными глазками. На его пухлых губах блуждала постоянная глумливая полуулыбка завсегдатай закрытых клубов, привыкшего наблюдать чужие унижения ради собственной забавы.

— Ну и трущоба, — протянул круглолицый, брезгливо оглядывая наши кирпичные своды с темными подтеками вековой влаги. — Глеб, клянусь мамой, здесь крысы размером с откормленного бульдога пешком гуляют. Ты уверен, что нам сюда? Тут даже дышать опасно для легких, сплошная плесень и советская ностальгия по коммуналкам.

Тот, кого называли Глебом, не удостоил спутника ответом. Он остановился в центральном проходе между рядами наших фанерных кресел, слегка прищурился от бледного луча софита и уставился прямо на меня.

Взгляд оказался тяжелым, сканирующим, откровенно раздевающим и оценивающим. Словно я была бессловесной породистой кобылой на осеннем аукционе в Барвихе, выставленной на продажу перед пресыщенными покупателями.

— Олеся Ракитина? — произнес он низким, бархатистым голосом, в котором безошибочно угадывалась привычка отдавать безоговорочные приказы.

Я стояла на краю авансцены, не шелохнувшись. Спина оставалась идеально прямой, подбородок чуть вздернут вверх. Вся моя поза выражала холодное отчуждение.

— Кто позволил вам войти в зрительный зал во время сценического прогона? — спросила я звонко, чеканя каждый звук с четкой сценической подачей. — Возле входной двери висит объявление. Посторонним вход строго воспрещен.

Круглолицый спутник сзади издал сдавленный смешок, прикрыв рот ладонью.

Глеб даже бровью не повел. Он сделал два широких шага вперед, приблизившись к деревянному помосту почти вплотную. Теперь я отчетливо различала тонкий след старого шрама у него над левой бровью и ровную линию темной щетины на волевом подбородке.

— Посторонним? — он усмехнулся, задержав взгляд на моем задранном подбородке. — Девочка моя, новых владельцев дома я знаю лучше, чем ты свой текст. Здесь скоро будут разговаривать со мной, если захотят остаться.

— Молодой человек! — Марк Савельевич тяжело поднялся со своего места, опираясь на деревянную трость. Его лицо потемнело от благородного гнева, седые брови сошлись на переносице. — Вы позволяете себе неслыханную наглость. Этот театр существует тридцать лет. Покиньте помещение сию секунду, или я прикажу вызвать наряд полиции!

Глеб медленно повернул голову в сторону старика. В его серых глазах не мелькнуло ни капли почтения к возрасту или сединам нашего худрука. Только ледяная, чисто коммерческая снисходительность.

— Вы можете вызывать хоть конную гвардию, уважаемый. — Гость постучал углом папки о ладонь, словно подгонял старика. — Меня зовут Глеб Сабуров. Дом купила девелоперская группа моего делового знакомого. Я выкупил у нее право требования вашего долга. Миллион

восемьсот тысяч, включая пени. Аренда у вас пока действует, только оплачивать ее нечем. Поэтому вместо полиции советую послушать меня.

— Глеб Сабуров... — глухо повторил Костя, его пальцы невольно впились в край фанерного щита декорации. — Тот самый Сабуров? Генеральный продюсер кинокомпании «Прайм Синема»?

— Приятно видеть осведомленных людей среди поклонников пыльного нафталина, — хмыкнул Сабуров, одарив Костю мимолетным презрительным взглядом, словно пустое место.

— Вы пришли выселять нас лично? — спросила я, делая шаг к самому краю сцены.

Последнее слово я послала в шестой ряд, как на экзамене по сценической речи. Глеб ждал, что я заговорю тише. Я видела это по его усмешке — и удержала взгляд. За моей спиной Костя перестал теревить край декорации.

— Слишком много чести для полуподвального кружка, — отозвался Сабуров, окинув меня неспешным взглядом с ног до головы. Задержался на потертых танцевальных туфлях, на полинявших черных трико, на тонкой девичьей талии под старым кожаным ремнем и вернулся к моим губам. — Выселением займутся судебные исполнители и бойцы службы безопасности через сорок восемь часов. Это обычная рутина, для такой работы у меня имеется целый штат вышколенных юристов. Я спустился сюда по другой причине.

— По какой же? — я скрестила руки на груди.

— Ради тебя, Ракитина.

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина. Костя за моей спиной шумно перевел дыхание. Марк Савельевич нахмурился еще сильнее, сделав шаг вперед по центральному проходу.

— Ради меня? — я саркастически изогнула бровь. — Мы не были представлены друг другу. Я не давала вам повода переходить на фамильярный тон.

Круглолицый спутник продюсера снова прыснул от смеха.

— Глебушка, глянь, а провинциалка с зубами! Я же предупреждал тебя, что здешние актрисульки воображают себя великими трагическими примами.

— Замолчи, Сева, — коротко бросил Сабуров через плечо, даже не повернув головы. Приятель тут же прикусил язык, хотя в его масляных глазках продолжали искриться насмешливые огоньки.

Сабуров снова вперил свой ледяной взгляд в мое лицо.

— Месяц назад я присутствовал в жюри на молодежном фестивале в Ярославле. Ты играла финальную сцену из «Гамлета». Сумасшествие Офелии.

Я мгновенно вспомнила тот душный, забитый зрителями зал провинциального Дворца культуры, скрип разошедшихся кулис и первый ряд партера, где сидели сытые столичные гости в дорогих костюмах, лениво листая экраны телефонов.

— Решили выразить запоздалое восхищение моим актерским дарованием? — ледяным тоном поинтересовалась я.

— Искусство меня интересует в последнюю очередь, — с абсолютной циничной откровенностью заявил Сабуров. — Искусство не дает сорока процентов годовой прибыли на вложенный рубль. Зато у тебя есть редкая фактура. Дикая, голодная, непокорная органика. В твоём взгляде горит настоящий нерв, опасное внутреннее пламя, которого днем с огнем не сыщешь у наших холеных светских львиц. Мой главный режиссер отсмотрел две сотни претенденток на ведущую роль в новом праймовом проекте. Все одинаковые, будто сошли с одного конвейера на Рублевском шоссе. Надутые губы, фарфоровые виниры и абсолютная пустота в зрачках. Мне же требуется настоящая волчица. Девчонка с улицы, готовая драться зубами за каждый глоток воздуха.

Он небрежным движением швырнул тяжелую кожаную папку прямо на дощатый помост. Она глухо ударилась о сосновые доски у моих ног.

— Что это такое? — спросила я, даже не шелохнувшись.

— Твой счастливый билет в сытую жизнь, — отчеканил Сабуров, заложив руки в карманы кашемирового пальто. — Шестнадцать серий. Главный вечерний эфир на центральном телеканале страны. Рабочее название ленты — «Слезы на шелку». История провинциальной сироты, которая приезжает покорять столицу, попадает в золотую клетку к влиятельному олигарху, проходит через предательства и становится полновластной хозяйкой криминальной империи. Производственный бюджет составляет двести сорок миллионов рублей. Внутри папки лежит сценарий первых трех эпизодов и утвержденный контракт на твое имя.

Я посмотрела на гладкую бордовую кожу с золотым тиснением. Потом снова подняла глаза на сытое лицо продюсера.

— Вы предлагаете мне сниматься в низкопробном бульварном сериале?

— Я предлагаю тебе гонорар в восемьдесят тысяч рублей за одну съемочную смену, — веско перебил он меня, чеканя каждое слово словно монету. — Подготовительный период уже идет, съемки стартуют через шесть недель. Шестидесят рабочих смен в календарном плане. Можешь сосчитать общую сумму в уме, если в вашем институте преподавали простейшую математику. Почти пять миллионов рублей чистыми деньгами на банковский счет. Персональный гримваген на съемочной площадке, личный визажист, агрессивная рекламная кампания, огромные баннеры на Садовом кольце с твоим портретом. Через полгода после выхода первых серий ты забудешь этот сырой подвал словно дурной сон. Соберешь первый взнос на светлую квартиру, обновишь гардероб в бутиках Столешникова переулка и перестанешь питаться остывшими пирожками.

Его речи звучали с непоколебимой уверенностью пресыщенного барина. Он искренне полагал, что совершает великое благодеяние. Что любая бедная актриса из подвального театра обязана без памяти рухнуть на колени, целуя края его кашемирового пальто за возможность выбраться из темноты.

— А что потребуется взамен? — тихо произнесла я, ощущая, как горячая волна презрения подступает к горлу. — Чего вы ждете от меня, господин Сабуров?

Глава 3

Сабуров слегка наклонил голову к плечу. На его губах вновь расцвела самодовольная, всепонимающая улыбка.

— Взамен ты подписываешь эксклюзивное соглашение на три года вперед. Полная передача всех актерских прав моей управляющей компании. Никаких самостоятельных подвалов, никаких сторонних проб, никаких выживших из ума наставников с чеховскими монологами. Твой съемочный график, твой гардероб, твои интервью и даже круг твоего личного общения будут строго регламентированы моей пресс-службой. Ты переходишь в распоряжение студии без остатка. От первой до последней запятой.

Я медленно опустила взор на бордовую папку.

Позади меня прерывисто дышал Костя. Марк Савельевич застыл белым призраком, побелевшими пальцами сжимая набалдашник трости. Никто из них не произнес ни слова. Они прекрасно знали глубину нашей долговой ямы. Они понимали, что пять миллионов рублей могли бы спасти труппу от немедленной расправы, если бы я согласилась надеть этот золотой ошейник.

Но я знала истинную цену подобному спасению. И прекрасно понимала, чем оборачивается такое рабство.

Я медленно наклонилась, кончиками пальцев подцепила край бордовой кожаной папки и подняла ее с деревянного пола. Кожа оказалась гладкой, холодной и неестественно тяжелой, пахнувшей химическим фабричным лаком и свежей типографской краской.

Сабуров довольно усмехнулся. В его самоуверенном взгляде мелькнуло привычное торжество победителя, который в очередной раз убедился, что у каждого человека в этом огромном городе имеется собственный ценник.

— Разумный выбор, Ракитина, — снисходительно произнес он, поправляя золотую запонку на манжете сорочки. — Здравый смысл всегда обязан побеждать бессмысленную гордыню. На последней странице лежат три экземпляра типового договора. Подписывай сразу все, дорогая ручка лежит во внутреннем кармашке. Мой личный водитель заберет готовые документы через час.

Я не торопилась раскрывать контрактную секцию. Вместо этого я неспешно расстегнула металлическую молнию, извлекла из недр папки увесистую пачку листов стандартного формата на плотной белой бумаге и перевернула титульный лист.

Крупными черными буквами в центре страницы значилось заглавие — «Слезы на шелку. Автор сценария — коллектив авторов по заказу холдинга Прайм Синема».

Я открыла первую страницу, пробежала глазами начальные диалоги и не сумела сдержать короткого, язвительного смеха. Звук эхом прокатился под сырыми сводами подвала.

— Что-то показалось смешным? — с нарастающим раздражением поинтересовался Сабуров, нахмутив темные брови.

— Смешным? — я подняла на него взгляд, полный искреннего, неподдельного сочувствия. — Вовсе нет, господин продюсер. Это грандиозно. Это подлинная трагедия современной отечественной драматургии. Позвольте процитировать вслух великий текст, ради которого я обязана продать душу и растоптать Чехова.

Я выпрямилась во весь рост на дощатом помосте, приняла нарочито пафосную позу, прижала ладонь к груди и заговорила сладким, приторным голосом дешевой сериальной героини.

— «Сцена первая. Ночной клуб. За столиком сидит Руслан, пожирая Анжелику взглядом голодного степного волка. Руслан берет бокал с шампанским, делает глоток и цедит сквозь зубы — Ты теперь моя птичка, малышка. Твои крылья принадлежат мне. Если вздумаешь улететь в чужое небо, я переломлю тебе кости и посажу на золотую цепь. Анжелика роняет слезинку в бокал и шепчет — Зачем ты мучаешь меня, злой хозяин? Ведь под твоей грубой кожаной курткой бьется раненое сердце благородного рыцаря!..»

Костя за моей спиной не выдержал напряжения и громко фыркнул в кулак, торопливо отвернувшись к кулисе. Тетя Вера всплеснула пухлыми руками, испуганно округлив глаза, а круглолицый Сева в партере согнулся пополам, задыхаясь от беззвучного приступа хохота и с размаху хлопая себя ладонями по коленям.

— О господи помилуй! — простонал Сева, утирая пальцами выступившие слезы. — «Раненый рыцарь в кожаной куртке»! Глеб, ты же божился на совете директоров, что нанял лучших драматургов с центрального телевидения! Кто этот феерический шедевр накатал? Твой шестнадцатилетний племянник за пачку чипсов?

Лицо Сабурова начало медленно каменеть. Ироничная светская полуулыбка мгновенно сползла с его губ, скулы резко побелели, серые глаза превратились в две узкие ледяные щели.

— Ты чересчур пристрастна, Ракитина, — процедил он сквозь зубы, делая широкий шаг к деревянному помосту сцены. — Это крепкий зрительский продукт высшей пробы. Мы создаем кино для десятков миллионов обычных домохозяек по всей огромной стране, нам нет дела до мнения кучки рафинированных снобов из столичных салонов. Массовая аудитория требует понятных страстей, ярких образов и красивой экранной картинки.

— Подобные помои не имеют права называться страстями, — безжалостно парировала я, с сухим щелчком захлопнув гляцевую стопку. — Это называется духовным растлением зрителя, господин Сабуров. Ваши наемные ремесленники понятия не имеют о том, как говорят, думают и чувствуют живые страдающие люди. Персонажи плоские словно картонки от обувных коробок. Они не существуют, они механически бубнят пошлые шаблонные реплики, чтобы заполнить временные интервалы между рекламой чистящих средств и микрофинансовых займов. Вы всерьез осмелились назвать эту куклу волчицей? Она глупая избалованная пустышка с замашками дешевой содержанки. Девица каждые три страницы картинно теряет

сознание, рыдает в декольте бандитам и путает искреннюю человеческую боль с истерикой на распродаже туфель!

— Ракитина, подбирай выражения, — в низком голосе продюсера зазвенели предупреждающие металлические ноты. Напряжение в воздухе между нами накалилось до предела.

— Я выбираю каждое слово с абсолютной сценической точностью, — отчеканила я, глядя ему прямо в зрачки. — Вы явились в наш подвальный дом с повадками римского патриция на невольничьем рынке. Швырнули под ноги пачку фальшивых страниц и наивно решили, будто за пять миллионов рублей в этом мире покупается абсолютно все. Мой талант, моя честь, моя профессиональная совесть и тридцать лет бескорыстного труда этого святого старика. Вы свято убеждены, что честная бедность всегда продается с молотка при первой же возможности. Вы привыкли окружать себя услужливой челядью, готовой на цыпочках плясать ради объедков с барского стола. Но вы фатально ошиблись адресом. В этом сыром подвале нет продажных содержанок. Здесь служат артисты.

Марк Савельевич медленно расправил плечи в глубине зрительного зала. В его глазах, еще десять минут назад полных тяжелой безысходности, вспыхнула чистая слеза гордости. Мастер смотрел на меня так, будто я держала сложный выпускной монолог перед строгой академической комиссией.

Сабуров стоял неподвижно у самого края авансцены, засунув руки глубоко в карманы кашемирового пальто. Его пальцы внутри дорогой шерстяной ткани сжались в тугие железные узлы. Холеное лицо продюсера перекосила судорога бешеного оскорбленного самолюбия. Человек, привыкший к мгновенному подчинению персонала, подобострастным взглядам режиссеров и благосклонности избалованных светских дам, впервые в своей благополучной биографии напоролся на сокрушительную оплеуху собственному величию.

— Какая пламенная филиппика, — негромко проговорил он, в каждом звуке его голоса закипал сдавленный концентрированный яд. — Просто превосходно. Bravo, Олеся Ракитина. Bravo, непревзойденная трагическая дива полузатопленного подвала на Таганке.

Он медленно оторвал подошву от каменного пола, поставил ногу на приставную ступеньку и поднялся на дощатый помост сцены.

Шаги его отдавались глухим гулким стуком. Он сократил разделявшее нас расстояние до двух коротких шагов. Тяжелый аромат кардамона, табака и выделанной кожи стал плотным, удушающим. От высокого крепкого тела продюсера веяло опасной силой хищника, готового без колебаний раздавить любого, кто посмел встать поперек его дороги.

— Ты вообразила, что одержала триумфальную победу в словесном споре? — тихо прошипел Сабуров, наклоняясь ко мне и сверля меня взглядом ледяных глаз. — Возомнила себя бессребреницей и хранительницей традиций? Да кто ты есть на самом деле без этих гнилых стен? Голодная гордая оборванка в штопанных трико! Ты перебиваешься грошами, носишь растоптанную обувь, делишь пачку лапши на троих и отогреваешь озябшие пальцы над старой батареей! Этот старый безумец изуродовал твою судьбу, упек в сырую могилу и внушил глупую сказку о том, будто нищета является высшим знаком избранничества!

— Замолчите и не смейте порочить Марка Савельевича! — я шагнула вперед, сокращая дистанцию почти вплотную. Мои щеки пылали яростным жаром, дыхание перехватило.

— Я разнесу всю вашу богадельню в пыль! — рявкнул Сабуров, окончательно отбросив холеный светский лоск. — Через сорок восемь часов судебные исполнители при поддержке бойцов взломают входные решетки кувалдами! Ваши ободренные фанерные декорации полетят в кузов самосвала прямо под осеннюю слякоть! Твоего наставника увезут с тяжелым сердечным приступом в реанимацию, а вам перекроют доступ в это здание навсегда! И куда ты побежишь со своей никому не нужной гордостью? Кто подаст тебе руку помощи? Ты будешь униженно слоняться по коридорам киностудий, стоять в унижительных очередях на массовку

и вымаливать у ассистентов по актерам крошечный эпизод без слов в криминальном телесериале!

Его беспощадные слова резали слух острее скальпеля. Разумом я понимала, что каждое его предостережение имело под собой железобетонную основу реальности. Он рисовал нашу неминуемую гибель со страшной деловой точностью акулы большого бизнеса.

Но страха не возникло. Напротив, внутри меня взорвалось ослепительное, непокорное пламя. Все мое естество восстало против его сытой наглости с такой сокрушительной яростью, что в глазах потемнело от прилива крови.

— Лучше я буду честно играть безымянные эпизоды у порядочных людей, чем добровольно стану вашей дрессированной куклой на золотом поводке, — прошептала я, чеканя каждый слог прямо в его холеное лицо. — Забирайте свою фальшивую писанину, господин Сабуров. И убирайтесь вон из нашего театра.

Я резким движением швырнула толстую пачку листов прямо ему под ноги. Белые страницы с шелестом брызнули по темным доскам помоста, покрывая сцену бумажным ковром.

Сабуров оцепенел, глядя на рассыпанный сценарий, затем медленно поднял глаза. В его темных зрачках закипело настоящее бешенство.

Секунду или две в зрительном зале стояла абсолютная, звенящая тишина. Казалось, даже капли дождя за кирпичной кладкой перестали стучать по водосточной трубе.

Сабуров медленно опустил взгляд вниз. Белоснежные листы сценария сериала с жирным заголовком «Слезы на шелку» устлали старые доски сцены. Несколько страниц легли прямо на мыски его начищенных до зеркального блеска итальянских туфель из тончайшей кожи. Продюсер стоял неподвижно, его широкая грудь под кашемировым пальто тяжело вздымалась.

Затем он поднял глаза. И в этом взгляде больше не осталось даже следа светской снисходительности или показного равнодушия. Это был взгляд загнанного в угол, смертельно оскорбленного хищника, которому только что нанесли кровоточащую рану на глазах у стаи.

— Подними, — произнес он очень тихо, почти беззвучно. Но от этого свистящего шуршания по коже побежали крупные мурашки.

Глава 4

— Что вы сказали? — переспросила я, не сдвинувшись ни на миллиметр.

— Я сказал — подними эти бумаги с пола, Ракитина, — вкрадчиво, с расстановкой повторил он, делая еще один шаг вперед и окончательно стирая разделявшую нас дистанцию. Теперь между нашими лицами оставалось едва ли тридцать сантиметров. Я ощущала жар его прерывистого дыхания, пахнущего крепким кофе и табаком. — Опустись на колени перед всей своей трупной. Собери каждую страницу до единого листика. Сложи ровной стопкой обратно в папку, возьми ручку и подпиши контракт.

— Вы бредите, господин Сабуров, — мой голос оставался ледяным, хотя сердце колотилось о ребра с такой силой, что удары отдавались в висках. — Я скорее сдеру с себя кожу живьем, чем опущусь перед вами на колени.

— Тогда я заставлю тебя пожалеть о каждой секунде твоей глупой дерзости, — прошипел он.

Его правая рука молниеносно выметнулась вперед. Пальцы с золотыми запонками на манжете железным капканом сомкнулись на моем тонком запястье.

Хватка оказалась чудовищной. Сабуров занимался боксом или тяжелой атлетикой, в его ладони чувствовалась нечеловеческая, тренированная сила. Он рванул меня к себе, заставляя сделать шаг вперед и вплотную прижаться к твердой шерсти его пиджака.

— Отпусти ее, скотина! — истошно взревел Костя из глубины сцены.

Мой партнер подхватил со стула бутафорский револьвер и бросился вперед, сжимая его в руке, словно намеревался размозжить продюсеру череп куском папье-маше.

Сабуров даже не повернул головы в сторону приближающегося парня. Он лишь бросил через плечо короткий, убийственный приказ.

— Сделай еще один шаг, сопляк, — и завтра утром твои документы лягут на стол во все актерские агентства страны с черной меткой. Тебя не возьмут даже ростовой куклой раздавать листовки у вокзального туалета. Ты навсегда забудешь дорогу в профессию.

Костя замер на полушаге, тяжело дыша. Его юношеские кулаки дрожали от бессильной ярости, в глазах плескались слезы унижения.

— А с тобой, строптивая птичка, разговор особый, — продолжал Сабуров, вдавливая свои пальцы в мою кожу так, что суставы хрустнули. Он приблизил свое холеное, безупречное лицо к моим губам, в его серых глазах клубилась темная ярость. — Ты сейчас возьмешь ручку. Или через два часа к этому подвалу подгонят тяжелую строительную технику. Я лично прослежу, чтобы ваши декорации, ваши старые костюмы и ваш выживший из ума наставник вылетели на мокрый асфальт под колеса проезжающих машин.

Его пальцы жгли запястье невыносимой болью. Боль пульсировала в предплечье, но вместо покорности она породила во мне ледяную, расчетливую ярость загнанного зверя.

Нас четыре года учили сценическому движению. Четыре года преподаватель биомеханики вбивал в наши головы простейшие законы рычага, инерции и освобождения от захватов. Театр — это жестокое физическое ремесло, где тело обязано повиноваться импульсу разума быстрее, чем мозг успеет испугаться.

Я резко повернула кисть внутрь, направляя большой палец своей руки в самое уязвимое место между его большим и указательным пальцами, и одновременно сделала резкий короткий толчок локтем вниз, перенося центр тяжести на правую ногу.

Большой палец Сабурова соскользнул с моей кисти. Он дернулся за ускользнувшей рукой, а я уже развернулась к суфлерской будке.

В ту же секунду моя левая рука метнулась к небольшому столику у суфлерской будки.

Марк Савельевич, подойдя к сцене, оставил там наш священный суфлерский экземпляр чеховской «Чайки». Увесистый, пухлый том в триста пожелтевших страниц, намертво сшитый просмоленной вошеной дратвой, с тяжелыми уголками из прессованного картона и медными заклепками на корешке. Книга, впитавшая в себя три десятилетия театрального пота, актерских слез и великих смыслов.

Я не раздумывала ни доли секунды. Внутри меня действовал чистый, первобытный инстинкт оскорбленной человеческой чести.

Я перехватила фолиант обеими руками, сделала короткий пружинистый шаг вперед, вкладывая в движение всю силу плечевого пояса, корпуса и накопленной ненависти, и с размаху вlepила тяжелым чеховским томом прямо по холеному лицу продюсера-миллионера!

Звук получился оглушительным.

Плотная стопка вековых страниц с сухим треском и пушечным грохотом врезалась в левую скулу Сабурова.

Удар был настолько мощным, что ветхий переплет книги не выдержал. Вошенная дратва с жалобным визгом лопнула, медные скобы разлетелись в стороны, и сотни пожелтевших чеховских страниц веером брызнули в полумрак зрительного зала. Они закружились в воздухе, словно стая испуганных белых птиц, медленно оседая в бледном луче театрального софита.

Сабуров от неожиданности и чудовищной силы удара качнулся, сделал судорожный шаг назад и едва удержал равновесие на краю помоста.

Его рука мгновенно метнулась к лицу.

Длинные холеные пальцы с безупречным маникюром коснулись левой скулы. На пористой белой коже прямо на наших глазах начала набухать багровая, наливающаяся кровью полоса с четким отпечатком картонного корешка. Кожа на скуле лопнула, из тонкой ссадины выступила крошечная рубиновая капля и медленно поползла вниз в темную щетину на подбородке.

В зале воцарился кромешный, парализующий ужас.

Тетя Вера у входа беззвучно осела на деревянную скамью, прижав фартук к побелевшим губам. Костя застыл с открытым ртом, боясь пошевелиться. Марк Савельевич в шестом ряду медленно закрыл глаза и судорожно перекрестился дрожащей рукой.

Круглолицый Сева в партере застыл на месте, его глумливая ухмылка сползла с круглого лица, сменившись выражением полнейшего шока.

Я стояла посреди сцены, тяжело дыша через нос. Моя грудь вздымалась под шерстяной кофтой, в опущенных руках остался зажат лишь оторванный серый корешок ледеринового переплета. Пальцы мелко дрожали от бешеного выброса адреналина, в ушах звенела оглушительная тишина.

Сабуров медленно опустил ладонь. Он посмотрел на кончики своих пальцев, испачканные каплей собственной крови.

Затем его голова очень медленно, с пугающей плавностью повернулась ко мне.

Я приготовилась ко всему. К тому, что он бросится на меня с кулаками, начнет душить, прикажет своим охранникам скрутить мне руки или разобьет мне лицо. Я смотрела на него в упор, не опуская подбородка, готовая принять любую расплату за содеянное.

Но того, что произошло в следующее мгновение, не ожидал никто.

Я подняла обрывок переплета перед грудью. Сабуров посмотрел на этот жалкий щит, потом на меня. Он медлил, и от этой паузы мне стало страшнее, чем от его крика.

Его темные брови медленно поползли вверх. В глубине ледяных серых глаз, где секунду назад бушевала ярость оскорбленного барина, внезапно вспыхнул совершенно иной огонь. Темный, обжигающий, голодный и пугающе хищный интерес.

Он провел языком по пересохшим губам, слизывая металлический привкус крови. И на его избитом лице медленно, мучительно расцвела настоящая, искренняя, почти безумная улыбка.

Человек, привыкший покупать любые женские тела и души оптом и в розницу, впервые в своей сытой жизни встретил силу, которую невозможно было запугать чековой книжкой.

Мертвую тишину разорвал одинокий хлопок в ладоши.

Затем последовал второй, третий, и наконец из глубины зрительного зала донесся оглушительный, захлебывающийся взрыв хохота.

Круглолицый Сева буквально скатился со своего места в проход между рядами, держась за живот обеими руками. Он топал ногами в замшевых ботинках по пыльному ковровину, вытирал рукавом кожаной куртки слезы и хохотал так громко, что под сводами звенело эхо.

— Браво! — орал Сева, захлебываясь от восторга. — Святые угодники, браво, бис! Первый раз в своей грешной жизни вижу, чтобы главному кинопродюсеру столицы, человеку из списков самых завидных холостяков года, вlepили по наглой морде классической литературой конца девятнадцатого века! Глебушка, дружище, я готов был заплатить любые миллионы, чтобы заснять этот исторический кадр! Антон Павлович Чехов лично передал тебе пламенный кинематографический привет!

Сабуров даже не повернул головы в сторону упивающегося зрелищем приятеля. Его холодное внимание было целиком приковано ко мне.

Он медленно вынул из нагрудного кармана пиджака безупречно сложенный шелковый платок дымчато-серого цвета. Аккуратным, скупым движением прижал тонкую ткань к горячей скуле, промокнув выступившую кровь. Взглянул на темное пятнышко на шелке и небрежно убрал платок обратно.

Никакой ярости на его лице больше не читалось. Напротив, холеные черты продюсера приобрели выражение предельной, пугающей деловой собранности. В глубине серых глаз горел холодный огонь игрока, увидевшего перед собой по-настоящему высокую, опасную ставку.

— Хватит цирка, Сева, — негромко произнес Сабуров. Приятель захлебнулся очередной шуткой. Глеб дождался тишины и снова посмотрел на меня.

Он опустил руку во внутренний карман своего кашемирового пальто и извлек на свет плотный лист гербовой бумаги с синими квадратными печатями и нотариальными штампами.

Неспешным шагом он подошел к самому краю сцены и положил документ на угол дощатого настила, прямо поверх нескольких разрозненных страниц чеховской пьесы.

— Что это? — глухо спросил Марк Савельевич, поднимаясь с кресла и медленно подходя к авансцене.

— Это договор цессии, уважаемый мастер. — Сабуров прижал бумагу к доскам двумя пальцами, чтобы сквозняк не унес ее вслед за Чеховым. — Право требования вашего долга. Дом мне не принадлежит, но с этим листом я могу потребовать взыскания. А могу дать отсрочку. Выбирайте, что вам интереснее услышать.

Марк Савельевич судорожно вздохнул, прижав узловатую ладонь к области сердца. Его лицо стало землисто-серым.

— Значит, вы все-таки решили стереть нас в порошок, — прошептала я, чувствуя, как от ярости пересыхает во рту. — Решили отомстить за свою уязвленную спесь?

— Мсть — удел слабых и бедных неудачников, Ракитина, — ледяным тоном отозвался продюсер, сделав шаг вперед и заглядывая мне прямо в глаза. — В большом бизнесе эмоции списывают в графу убытков. Ты только что наглядно доказала, что обладаешь взрывным характером и умеешь драться до последней капли крови. Это редкое качество. Но в реальной взрослой жизни побеждают не бессмысленными истериками, здесь верх берут профессиональным мастерством и железной дисциплиной.

Он выдержал долгую паузу, наблюдая за тем, как тяжело и прерывисто вздымается моя грудь.

— Я не стану подавать заявление в полицию по факту нападения, — продолжил Сабуров, чеканя каждое слово. — Хотя разбитая скула и свидетельские показания гарантируют тебе вполне реальную судимость и волчий билет во всех театрах страны. Я предлагаю тебе пари. Честное профессиональное пари на тридцать дней.

Слово повисло в воздухе, словно брошенная на середину сцены боевая граната.

— Какое пари? — настороженно спросила я, сжимая в кулаке обрывок ледеринового переплета.

Глава 5

— Тридцать календарных дней, Ракитина. Я работаю здесь, в твоём театре, и своими глазами смотрю, как вы производите своё великое искусство. Ты готовишь премьеру. В последний вечер месяца мы показываем её публике. Если после месяца рядом со мной ты все еще предпочтешь этот подвал моему контракту — долг я прощаю. А если передумаешь, подпишешься на сериал. Тогда и долги оплатишь сама. Покажешь мне, чего стоит твоя профессиональная совесть, когда перед носом лежит настоящий гонорар.

Я недоверчиво прищурилась, пытаюсь разгадать скрытый подвох в его словах.

— А какова цена вопроса?

— На время пари взыскание приостанавливаю, — произнес Сабуров. — Это впишем сразу. Если я проиграю, театр получает погашение долга и десять лет оплаченной мной аренды. С владельцами договорюсь. Захотят задрать цену — разница моя. Ты требуешь от искусства вечной жизни? Вот тебе десять лет за мой счет. Дальше разбирайтесь с вечностью сами.

В зале послышался судорожный вздох тети Веры. Костя вскинул голову, его глаза расширились от потрясения. Десять лет бесплатной аренды в центре Москвы на Таганке. Для нашего театра это означало вечную жизнь и полное творческое спасение.

— А если я проиграю? — тихо спросила я, понимая, что бесплатный сыр бывает только в смертоносных мышеловках.

— Если ты сама выберешь сериал, подпишешь трехлетний контракт на первоначальных условиях. Снимешься в шестнадцати сериях без права править текст. Если сорвешь наш показ без уважительной причины — пари прекращается, отсрочка тоже. — Улыбка Сабурова стала острой, словно бритва. — И тогда опять останешься один на один с владельцами дома. Посмотрим, сколько протянет твоя святая труппа.

— Глеб, ты окончательно спятил! — раздался громкий свист со стороны прохода.

Сева взбежал по ступенькам на подмости, его круглое лицо сияло азартным румянцем.

— Ты ставишь судьбу нового сериала на капризы девицы, которая только что разбила тебе лицо фолиантом? — Сева повернулся ко мне, окинув жадным оценивающим взглядом. — Да она же сожрет тебя живьем за первую неделю! Она принципиальная, она гордая, она тебя на площадке при всей группе выставит полным дураком!

— Это мои риски, Сева, — бросил Сабуров, не сводя взгляда с моего лица.

— Нет, братишка, ты хотя бы понимаешь, куда записываешься? — Сева хищно потер пухлые ладони. — Здесь же утром пол моют. Руками. И пахнет этим вашим... как его... трудом. Я бы посмотрел, как ты срываешь инвесторский звонок ради ведра!

— Ты много на что любишь смотреть, Сева. Помогать пока не пробовал.

— Значит, решил впечатлить барышню? — Он обошел Глеба, будто прикидывал место для камеры. — Тридцать дней в подвале. У тебя пальто за одну смену умрет. А она еще заставит тебя Чехова учить!

Я перехватила оборванный корешок книги.

— Чехов начинается с умения слушать, — сказала я. — Поэтому для вас обоих это будет очень длинный месяц.

Сева фыркнул. Глеб же впервые посмотрел на меня без готовой реплики. На скуле у него проступила новая капля крови, но к платку он больше не потянулся.

— Хорошо, — сказал он. — Убедила. Посмотрим, кто первым попросится обратно в нормальную жизнь.

— И на выходе проверьте, не унесли ли вы с собой частную собственность, — добавила я, кивнув на его туфлю. К подошве прилипла страница «Чайки».

Сева заржал. Глеб медленно снял лист, расправил его о колено и положил на стол. Очень бережно. От этой нарочитой бережности мне захотелось ударить его еще раз.

Затем продюсер снова шагнул ко мне. Теперь между нами оставался лишь один шаг.

— Твое слово, Ракитина. Ты принимаешь вызов? Или твое хваленое служение искусству заканчивается там, где требуется проявить элементарную смелость?

Я повернула голову. Марк Савельевич успел вернуться на свое место в шестом ряду. Великий, святой старик, который подобрал меня на вступительных экзаменах, три года делился со мной последним куском хлеба и научил верить в человеческое достоинство. Он сидел, держась за грудь, и в его потухших глазах стояла немая просьба не губить себя ради старых кирпичей.

Но я знала, что не смогу жить дальше, если позволю вышвырнуть его на улицу.

Я глубоко вдохнула сырой подвальный воздух, пахнувший канифолью, пылью и надвигающейся бурей.

— Я принимаю ваше пари, господин Сабуров, — громко и четко произнесла я. — Но на моих собственных нерушимых условиях.

Брови продюсера взлетели вверх от изумления.

— Ты еще смеешь ставить условия?

— Смею, — твердо ответила я, расправив плечи. — Первое. Вы больше не хватаете меня. Прикосновения только с моего согласия, рабочая страховка — по необходимости. Нарушите границу — театр победил. Второе. Рабочая смена здесь с девяти до восьми. После восьми только по взаимному согласию. Никаких обязательных ресторанов и поездок к вам домой. Третье. В театре вы подчиняетесь мне и завпосту. Моете, носите, прибываете. Телефон на время смены сдаете дяде Паше, срочные звонки делаете с моего. Четвертое. Ни роли, ни реплики, ни состав труппы вы не покупаете. Художественные решения остаются за Марком Савельевичем. Согласны? Тогда пишите.

Сабуров смотрел на меня долгим, немигающим взглядом. На его лице отражалась сложная гамма чувств — от глухого бешенства до неподдельного, почти благоговейного восхищения моей наглостью.

— Ты сумасшедшая, Ракитина, — негромко произнес он, и в его голосе проскользнула хрипотца. — Абсолютно безумная девчонка.

Он подошел к старому гримировальному столику у кулисы, достал из кармана тяжелую золотую авторучку и размашистым почерком прямо на чистом листе из папки записал условия пари и четыре моих требования. Следом вписал отсрочку взыскания и обязательство оплатить аренду. Я заставила его прочесть все вслух, а Костя снял каждый лист на телефон.

— Подписывай, — он протянул мне золотую ручку.

Металл был теплым, нагретым от тепла его тела. Мои пальцы слегка дрожали, но я заставила себя поставить твердую, четкую подпись под текстом соглашения.

Сабуров поставил свою подпись рядом, размашисто чиркнув пером по бумаге.

— Завтра в девять я буду здесь, — произнес он, убирая ручку во внутренний карман. — Надеюсь, кофе у вас хотя бы настоящий.

— Кипяток настоящий, — сказала я. — Остальное заслужите, партнер.

Он развернулся и быстрым, пружинистым шагом направился к выходу. Сева поспешил следом за ним, на прощание весело подмигнув мне из дверного проема.

Их шаги прогремели по каменной лестнице, хлопнула тяжелая наружная дверь, и в подвале наконец воцарилась глухая, оглушительная тишина.

Лишь в воздухе еще долго стоял чужой, тревожный запах кардамона, дорогого табака и пролитой крови.

Я опустилась на край деревянного помоста, уронив руки на колени. Вокруг меня, словно белые хлопья первого снега, лежали разлетевшиеся страницы чеховской «Чайки». Сердце колотилось в груди с неистовой силой, пальцы горели.

Тридцать дней. Ровно тридцать дней ожесточенной войны за мой дом, за мою свободу и за мою душу.

Я сжала кулаки, подняла с досок испачканный в пыли титульный лист пьесы и прошептала в темноту пустого зала.

— Мы еще посмотрим, кто кого сломает, господин продюсер.

Подвал нашего независимого театра на Таганке пах так, как пахнет настоящее, нищее и абсолютно счастливое искусство.

Это был густой, почти осязаемый настой из сырой вековой кирпичной кладки времен московских купцов, канифоли, миндального театрального грима, сосновой стружки и пыльного вишневого бархата старых кулис, списанных из филиала Малого театра. Когда спускаешься по каменной лестнице из осеннего двора, этот запах обрушивается на тебя вместо теплого шарфа. Он въедался в волосы, в пальцы, в свитера.

Я стояла возле шаткого стола бутафорского цеха, бережно перелистывая суфлерский экземпляр «Гамлета». Чеховские страницы после вчерашнего удара мы собрали в коробку — переплетом обещал заняться дядя Паша. Страницы с пожелтевшими углами рассыпались, поля были испещрены пометками трех поколений провинциальных трагиков, а карандашные ремарки режиссера въелись в плотную бумагу полувековой давности. Через четыре недели нам предстояло выдать большой показ нашей «Чайки». А сегодня восстанавливали старого «Гамлета» для репертуара. Моя Офелия пока спотыкалась на переходе к монологу с цветами, а в кармане пальто лежал договор на тридцать дней каторги с человеком, которого я мечтала огреть канделябром.

Тяжелая кованая дверь наверху протяжно взвизгнула несмазанными петлями. Раздался размеренный, вызывающе уверенный стук подошв по шербатым бетонным ступеням.

Я даже не подняла головы от суфлерской тетради.

— Восемь часов пятьдесят семь минут, — раздался сверху звучный, бархатный баритон, в котором звенела привычная барская насмешка. — Кажется, я явился на три минуты раньше назначенного срока. Где оркестр, цветы и ковровая дорожка для спасителя независимой сцены?

В проеме кирпичной арки возник Глеб Сабуров собственной персоной.

Он выглядел так, словно перепутал вход полуподвала с выходом на частную яхтенную пристань в Монако. Тончайший джемпер цвета топленого молока из чистейшего кашемира, безупречно отглаженные светлые брюки со стрелками, на ногах — карамельные замшевые лоферы на тонкой кожаной подметке. От него веяло серой амброй, сухим кедром и той особой безмятежностью, которую в нашей стране обеспечивают только семизначные долларовые счета на зарубежных картах. В холеной правой руке он небрежно покачивал картонный стаканчик с логотипом пафосной кофейни с Патриарших прудов.

Из глубины сцены, шаркая стоптанными войлочными тапками, вынырнул наш завпост дядя Паша. В зубах старика дымилась папироса, а из кармана фартука торчали увесистые плоскогубцы.

Дядя Паша замер, смерил явление мажора мутным взглядом знатока советской тары и смачно сплюнул в пустую жестяную банку из-под олифы.

— Это еще что за хлыщ на авансцене нарисовался, Леська? Жених твой из телевизора припожаловал или из жэка ревизор по приборам учета?

Глава 6

Глеб поморщился, словно его тонкий слух оскорбила фальшивая нота, и медленно спустился на последнюю ступеньку.

— Я генеральный продюсер и ваш временный куратор, почтеннейший, — с ленивым превосходством обронил он, окидывая взглядом свисающие с колосников веревки и штанкеты. — Человек, который подписал с этой юной фурией соглашение о сотрудничестве и готов потратить месяц своей жизни на наблюдение за тем, как дилетанты пытаются изображать искусство. Можете звать меня Глеб Юрьевич.

— Звать мы тебя будем мальчиком на побегушках, — звонко перебила я, захлопывая суфлерский экземпляр так, что взметнулось облачко вековой пыли. — И это в лучшем случае, если ты доживешь до обеденного перерыва.

Сабуров перевел на меня насмешливый прищур своих темных глаз. В них плясали золотистые искорки неприкрытого азарта. Вчера он был уверен, что сломает меня жирным гонораром за дешевую мелодраму. Он проспорил первый раунд и теперь явился за реваншем.

— Какая суровая девочка, — протянул он, делая глоток кофе через пластиковую крышечку. — Прямо мороз по коже. Где мой рабочий кабинет? Мне обещали место для ознакомления с документацией труппы.

— Твой рабочий кабинет находится вон в том углу, возле мусорных баков и пожарного щита, — ласково улыбнулась я, подходя к нему вплотную и останавливаясь ровно на расстоянии вытянутой руки. — Пункт три нашего договора помнишь? Полное подчинение старшей актрисе смены и выполнение всех хозяйственных задач театра. Без возражений, звонков папочке и капризов. Первый пункт нашей утренней программы — сдача средств связи.

Глеб замер со стаканчиком у рта.

— Что, прости?

— Телефон на бочку, Сабуров, — повторила я самым сладким голосом, протягивая открытую ладонь. — Живо.

— Ты бредишь, Леся. У меня в девять сорок видеозвонок с инвесторами из Дубая, в одиннадцать утра согласование съемочной сетки на Мосфильме, а в полдень...

— А в полдень ты будешь отмывать авансцену от засохшего столярного клея, — отрезала я. — В нашем подвале связи все равно почти нет, а правила для стажеров едины. Либо ты отдаешь трубку прямо сейчас, либо я составляю акт о нарушении трудового распорядка, объявляю тебе односторонний дефолт, и ты можешь катиться обратно в свои пентхаусы полным неудачником. Выбирай.

Сабуров шумно втянул воздух сквозь зубы. На его скулах вздулись желваки. Он явно не привык, чтобы двадцатитрехлетняя девчонка в растянутом свитере разговаривала с ним приказным тоном. Несколько секунд длилась немая дуэль взглядов. Я смотрела прямо в его зрачки, не мигая и не отступая ни на миллиметр.

Наконец он с глухим раздраженным рычанием сунул руку во карман брюк, извлек тяжелый титановый брусок новейшей модели и швырнул его мне на ладонь. Металл был приятно теплым.

— Довольна, тюремщица?

— Вполне, — кивнула я и повернулась к бутафору. — Дядя Паша, открой броневик.

Старик крикнул, подошел к зеленому чугунному сейфу времен наркомата путей сообщения, с лязгом повернул гигантский ключ и распахнул пудовую дверцу. Я аккуратно положила телефон миллионера между банкой со скипидаром и мотком бечевки, захлопнула створку и дважды повернула замок.

— Ключ останется у Павла Степановича до окончания смены в восемь вечера. А теперь пункт второй — внешний вид.

Глеб окинул себя недоуменным взглядом.

— А что не так с моим видом? На мне кашемир Лоро Пьяна и замша ручной выделки. Этот джемпер стоит больше, чем весь твой театр со всеми вашими пыльными тряпками.

— Именно поэтому ты снимешь его прямо сейчас, — заявила я. — Если ты выйдешь в этом великолепии на колосники, дядя Паша получит инфаркт, а Марк Савельевич заставит тебя играть тень отца Гамлета без грима. Дядя Паша, выдай стажеру рабочую форму номер два.

Старик с мстительным ухмылением полез под стеллаж и извлек на свет божий нечто бесформенное, ядовито-синее и заскорузлое от времени. Это был парусиновый комбинезон монтировщика сцены, на коленях которого красовались задубевшие пятна масляной краски, а на спине полинялыми белыми буквами было выведено слово КУЛЬТУРА. В довесок к комбинезону на бетонный пол с тяжелым стуком шлепнулись кирзовые ботинки с железными носками сорок пятого размера.

Глеб посмотрел на парусиновое чудовище так, словно ему предложили завернуться в саван чумного барака.

— Я это не надену.

— Надевай, Сабуров, надевай, — подбодрила я, скрестив руки на груди. — Или позорное бегство прямо в дверях? Мы можем позвать твоих дружков из закрытого клуба, пусть посмотрят, как сливается великий кинопродюсер.

В глазах мажора вспыхнуло бешеное пламя упрямства. Он медленно поставил недопитый кофе на край верстака, стянул через голову драгоценный кашемир, оставшись в простой белой майке, под которой обозначились плотные, рельефные мышцы торса и плеч. Я на мгновение зацепилась взглядом за эту неожиданную спортивную статью, но тут же сердито приказала себе смотреть в сторону. Не хватало еще любоваться этим надутым павлином.

С глухими проклятиями на трех языках Глеб натянул дубовые штанины комбинезона прямо поверх дизайнерских брюк, застегнул тугие железные пуговицы на груди и сунул ступни в кирзовые капканы.

Картина получилась неописуемой красоты.

Двухметровый холеный красавец с лицом с обложки журнала стоял посреди подвала в мешковатой робе сантехника, нелепо переминаясь в гигантских ботах. На лоб ему упала шелковистая темная прядь волос, а лицо выражало готовность задушить меня голыми руками прямо на месте.

— Замечательно, — искренне похвалила я. — Просто вылитый передовик соцсоревнования. Грим наносить не будем, природное бешенство тебе к лицу.

В этот момент из темного коридора репетиционного зала вылетел наш художественный руководитель Марк Савельевич.

Маэстро был в своем обычном состоянии творческой агонии. Волосы стояли дыбом, старый вязаный шарф волочился по полу, из нагрудного кармана торчал пучок исписанных листов, а в руке плескалась закопченная эмалированная кружка с чифирем.

— Катастрофа! — гремел режиссер, потрясая кружкой над головой. — Бездари, вредители, могильщики русского психологического театра! Почему на сцене до сих пор темно? Где свет? Почему пыль лежит сугробами? Через два часа репетиция четвертой картины, а у нас порталы висят криво! Паша! Где твои охламоны?

Дядя Паша меланхолично ткнул заскорузлым пальцем в сторону замершего Сабурова.

— Дык вот, Савельич. Пополнение прибыло по разнарядке. Молодой, крепкий, порожний. Руки есть, гонора через край. Куда определить?

Марк Савельевич подслеповато сощурился, подошел к продюсеру-миллионеру вплотную, оглядел его парусиновую монументальность снизу доверху и хлопнул тощей ладонью по синему плечу.

— Прекрасно! Славный детина, фактурный, плечистый. Значит так, юноша. Слушай боевую задачу. Во-первых, пулей метнуться за угол в булочную, взять три кулька сушек с маком и две пачки цейлонского чая номер тридцать шесть. Деньги возьмешь у Леси под расчет. Во-вторых, нагреть большой походный титан в буфете. В-третьих, содрать со сцены весь этот позорный бутафорский мусор, вымыть доски до скрипа щелочным мылом и перетащить из подвала шесть щитов фанеры к тронному порталу. Время пошло! Чего стоишь столбом, как тень Банко? За дело!

Режиссер развернулся на пятках и унесся обратно в темноту зала, оставив после себя шлейф крепчайшей чайной заварки и нервного возбуждения.

Глеб медленно повернул голову ко мне. Лицо его побелело от шока.

— Он... он только что послал меня за сушками? Меня? Человека, чей последний фильм собрал в прокате полтора миллиарда?

— Полтора миллиарда рублей в прокате не спасут тебя от гнева Савельича, если к десяти утра в буфете не будет кипятка, — сладко пропела я, вручая ему смятую пятисотенную купюру и оцинкованное ведро со старой деревянной шваброй. — Вот тебе финансы на чай с баранками, а вот орудие производства. Сначала булочная, потом мытье планшета сцены. И не вздумай перепутать чай. Возьмешь со слонем — Савельич тебя живьем закопает в могилу Офелии.

Сабуров сжал дужку ведра так, что металл жалобно хрустнул. Казалось, из его ноздрей сейчас повалит пар.

— Ракитина, ты за это заплатишь. Клянусь, через месяц ты будешь умолять меня о роли в самом низкопробном мыле, лишь бы смыть этот позор.

— Мечтай вслух, Сабуров, только делай это быстрее. Часики тикают, а пол сам себя не вымоет.

Следующие три часа превратились для московского мажора в персональный круг чистилища.

Сначала он с ошалелым видом бегал по переулку в синем комбинезоне и кирзачах, добывая в гастрономии чай с правильным номером. Продавщица отчитала его за отсутствие мелочи и заставила пересчитывать сдачу под взглядами публики.

Вернувшись в театр с кульками, Глеб даже не успел перевести дух. Марк Савельевич лично проконтролировал засыпку заварки в пузатый алюминиевый чайник, после чего гаркнул —

— А теперь планшет сцены, орлик! Вперед, созидай чистоту для великого слова!

Я устроилась на сломанном венском стуле у края кулис, делая вид, что повторяю текст роли. На самом деле я не сводила глаз с этого невероятного зрелища.

Глеб Сабуров стоял посреди полутемной сцены на коленях, задрал рукава парусиновой робы, и с остервенением драил черные сосновые доски мокрой тряпкой.

Его лощеные ладони с аккуратным маникюром мгновенно покрылись серой мыльной жижей. Вода в ведре темнела с каждой минутой. С него градом катил пот, шелковистые волосы промокли и прилипли ко лбу, дыхание стало прерывистым и хриплым. Каждые пять минут он порывался встать, распрямить затекшую спину и послать все к чертовой матери, но стоило ему поймать мой насмешливый взгляд, как челюсти его смыкались, и он с утроенной яростью вгрызался щеткой в древесину.

— Эй, продюсер, — не удержалась я, когда он в десятый раз менял воду под ржавым краном в закулисе. — Ты пропустил угол возле левой кулисы. Там вчера рассыпали тальк для спецэффектов. Если Гамлет поскользнется во время монолога Быть или не быть, вся вина ляжет на твою съемочную группу.

Глеб тяжело оперся о черенок швабры, буравя меня потемневшими глазами.

— Знаешь, Ракитина, я много повидал стерв в киноиндустрии. Режиссерш с манией величия, актрис с истериками. Но ты превзошла их всех в первом акте.

— Это называется производственная дисциплина, Глебушка, — парировала я, подперев щеку ладонью. — Ты ведь сам вчера орал в нашем зале, что наш театр — это пыльная яма для неудачников, а ты умеешь управлять любыми процессами. Вот и управляй. Процесс влажной уборки требует системного подхода, оптимизации логистики ведра и глубокого погружения в фактуру. Чего остановился? Инвесторы из Дубая не одобрили бы такой медленный темп.

Он скрипнул зубами и шагнул ко мне.

Глава 7

Кирзовые ботинки тяжело бухали по сырому дереву. Он остановился в полушаге от моего стула, тяжело дыша. От него пахло мокрой парусиной, хозяйственным мылом, свежей древесины и горячим мужским телом. Взгляд был яростным, живым, обжигающим. Исчезла вся светская леность, вся вальяжная скука пресыщенного мажора. Передо мной стоял сильный хищник, уязвленный до глубины души.

— Ты думаешь, сломаешь меня этим корытом? — тихо, с опасной хрипотцой спросил он, наклоняясь так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своих губах. — Думаешь, я брошу все и побегу жаловаться Севе? Черта с два, Леся. Я вымою этот чертов пол, перетаскаю твои декорации, выучу наизусть всего твоего Шекспира, если понадобится. Но через месяц ты признаешь, что проиграла. И пойдешь со мной ужинать туда, куда я скажу, и на моих условиях.

Я едва не согласилась на ужин раньше, чем успела возмутиться его тоном. Чтобы он этого не заметил, указала на лужицу у его ботинка. Глеб опустил глаза и снова поднял их на меня — уже с усмешкой.

— Сначала добейся идеальной чистоты в правом кармане сцены, спаситель нации. А насчет ужина поговорим, когда заработаешь на суши без моей пятисотки.

Глеб криво усмехнулся, тряхнул мокрой челкой и вернулся к ведру. Первый раунд остался за мной, но внутри уже звенела тонкая, тревожная струна неизбежного шторма.

После полудня наш подвальный бункер погрузился в глухой строительный грохот.

Марк Савельевич умотал в районный отдел культуры утрясать вопрос с пожарным предписанием, а дядя Паша, выкурив очередную папиросу, торжественно выкатил на середину сцены две тележки с сосновыми брусками и пачкой березовой фанеры десятого номера.

— Вот что, молодежь, — прошамкал завпост, сгружая у ног Сабурова деревянный ящик с инструментами. — До завтрашнего утра порталы тронного зала короля Клавдия должны сто-

ять мертво. Шесть рам, высота по три метра, обшивка внахлест. Гвозди-сотки, клей костный, молотки увесистые. Я пошел в котельную варить клейстер из картофельного крахмала, а ты, Глебушка, бери в руки железо и созидай опору датской монархии. Леська за тобой присмотрит. Ежели загнешь хоть один брус, высчитаю из твоей продюсерской доли.

Дядя Паша скрылся за колосниками, оставив нас посреди сцены.

Глеб стоял посреди сосновых стружек, уперев руки в бока своего ядовито-синего парусинового комбинезона. Волосы его высохли после утренней битвы со шваброй, но на щеке темнел след мыльной пены. Он наклонился, брезгливо подцепил двумя пальцами старый плотницкий молоток с иссеченной дубовой рукоятью и взвесил его на ладони.

— Серьезно, Ракитина? В двадцать первом веке люди все еще сколачивают декорации вручную гвоздями? Где пневматические пистолеты? Где лазерные нивелиры? Где нормальные алюминиевые профили из строительного гипермаркета?

— Нормальные алюминиевые профили стоят столько, сколько наш театр зарабатывает за полгода аншлагов. — Я уселась на край верстака и протянула ему рулон наждачной бумаги. Глеб на подарок посмотрел с отвращением. — А этот брус уже есть, и дядя Паша знает, как его крепить. Так что прекращай свои лекции по нанотехнологиям и берись за раму. Или кино-продюсер умеет только подписывать чужие сметы в ресторанах?

Взгляд Глеба мгновенно потемнел от знакомого азарта.

— Я в детстве собрал скворечник, который занял первое место на районной выставке в Жуковке, — процедил он, сбрасывая с плеч лямки комбинезона и оставаясь в майке. — Так что с парой деревяшек как-нибудь справлюсь без суфлеров.

— Скворечник в Жуковке, надо же, какая богатая трудовая биография, — хмыкнула я. — Ну давай, мастер, удиви меня.

Следующие двадцать минут доставили мне поистине неземное эстетическое удовольствие.

Глеб уложил два трехметровых бруса под прямым углом, достал из холщового мешка блестящий длинный гвоздь, приставил острое к стыку и со всего маха опустил молоток.

Раздался оглушительный металлический звон. Гвоздь с противным визгом согнулся пополам, шляпка ушла вкривь, а молоток соскользнул и со всего маху впечатался в свежую сосновую древесину, оставив глубокую рваную вмятину.

Глеб зашипел сквозь зубы, тряся отбитыми пальцами.

— Не гнется только то, что сделано из титана, — пробормотал он, вытаскивая клещами изуродованный кусок железа.

Он попробовал снова. Второй гвоздь постигла та же участь, только на этот раз фанерный лист с сухим треском раскололся вдоль волокон, пустив колючую паутину трещин. На третьей попытке молоток чиркнул по ребру бруса, и длинная острая заноза толщиной со спичку с размаху вонзилась прямо под ноготь безымянного пальца мажора.

Глеб глухо выматерился, выронил молоток на доски и прижал уязвленную ладонь к груди. Лицо его посерело от резкой вспышки боли, на лбу выступили бисеринки пота.

Я тяжело вздохнула, соскочила с верстака и подошла к нему.

— Покажи руку.

— Сам разберусь, — буркнул он, пряча ладонь за спину и пытаясь казаться нестигаемым скалистым утесом. — Мелкая царапина. Сейчас выдерну и продолжу.

— Сабуров, не строй из себя раненого гладиатора, — строго сказала я, подходя вплотную и решительно перехватывая его правую руку за запястье. — Покажи, говорю. Если заноза обломится под ногтем, завтра рука распухнет, и ты не то что молоток, чашку с кофе поднять не сможешь. Садись на ящик.

Он поколебался секунду, но пульсирующая боль оказалась сильнее гордости. Глеб тяжело опустился на деревянный ящик из-под софитов.

Я сбегала к бутафорскому столику, достала из аптечки спирт, вату и тонкий хирургический пинцет дяди Паши, которым старик обычно монтировал крошечные детали для макетов.

Вернувшись, я опустилась перед Сабуровым на колени прямо на усыпанный опилками планшет сцены.

Его ладонь была широкой, сильной, с длинными красивыми пальцами пианиста или хирурга, совершенно непривычными к грубому физическому труду. Кожа на подушечках была обожжена утренней чисткой и усеяна мелкими ссадинами, а под ногтем багровела злая полоса загнанной щепы. Сама рука была обжигающе горячей и заметно подрагивала от напряжения.

— Будет больно, — предупредила я, смачивая ватку спиртом. — Можешь прикусить свой шелковый шарф, если он завалился в кармане.

— Обойдусь, — хрипло отозвался он.

Я осторожно подцепила кончик занозы стальными браншами пинцета, крепко сжала его пальцы своей левой рукой и резким, точным движением выдернула щепку наружу.

Глеб судорожно втянул воздух сквозь зубы, тело его напряглось как натянутая тетива лука, но он не издал ни звука. Только пальцы свободной руки до белизны костяшек впились в край ящика.

Выступила густая капля темной крови. Я промокнула ее спиртовой салфеткой, а затем, повинувшись какому-то древнему детскому инстинкту, поднесла его раненый палец к своим губам и тихонько подула на пылающую кожу.

Глеб вздрогнул всем телом, словно сквозь него пропустили электрический разряд.

Я замерла, запоздало осознав, что натворила.

Мы сидели в тишине полутемного зала. Софит отбрасывал длинные тени. Я держала его горячую руку, а он смотрел на меня сверху вниз. В его глазах не осталось спеси. В них плескалось ошеломленное внимание.

Воздух между нами словно сгустился до плотности нагретого воска. Сердце у меня в груди пустилось в безумный пляс, отдаваясь глухими ударами в висках.

Я торопливо опустила его руку, поднялась на ноги и нарочито небрежно смахнула стружки с коленей.

— Жить будешь, — сухо произнесла я, пряча пинцет в карман фартука. — Кровь остановилась. А теперь вставай и смотри, как это делается. Не хватало еще, чтобы ты разнес в щепки последний запас березовой фанеры.

Глеб медленно поднялся с ящика, потирая ноющий палец. Взгляд его все еще был прикован к моему лицу, заставляя щеки предательски пылать.

— И как же это делается, профессор столярных наук?

— Смотри сюда.

Я взяла молоток, подошла к верстаку, установила свежий гвоздь и легко, плавным кистевым движением дважды тукнула по шляпке, наживляя металл в волокна.

— Ты бьешь от плеча, как берсерк на поле боя, — объяснила я, не глядя на него. — Всю силу вбухиваешь в первый же замах, рука дрожит, гвоздь уходит в сторону. А дерево любит точность и баланс. Центр тяжести инструмента должен работать сам. Запястье расслаблено, удар идет из предплечья, короткий, сухой, упругий. Вот так.

Я сделала один хлесткий шелчок, и длинный гвоздь по самую шляпку скрылся в сосновой плоти, надежно скрепив угол рамы.

Глеб тихо присвистнул.

— Впечатляет. Где тебя этому научили? В театральной академии имени Щепкина?

— В детстве в Вологде, — усмехнулась я, вспоминая старый бревенчатый дом бабушки на реке. — У нас там каждый ребенок умел забор поправить и лодку смолить. Давай сюда свою правую граблю. Будем ставить руку.

Он послушно шагнул ко мне.

Я встала чуть сзади и сбоку, положила свою левую ладонь на его напряженное плечо, а правой рукой накрыла его пальцы, сжимавшие дубовую рукоять молотка.

Его плечо под тонкой белой майкой оказалось каменным, широким и горячим. От его кожи отчетливо пахло мускатным орехом, кедром, свежим потом и сосновой смолой. Мое дыхание коснулось мочки его уха. Глеб на мгновение затаил дыхание, боясь пошевелиться.

— Чувствуешь вес бойка? — тихо спросила я прямо ему в висок, стараясь не обращать внимания на мурашки, побежавшие по моей спине.

— Чувствую, — так же тихо, хриплым голосом отозвался он.

— Расслабь пальцы. Не души рукоять, она не убежит. Направляем острие. Замах на тридцать сантиметров. И на выдохе — щелк.

Мы опустили молоток вместе. Стальной боек ударил точно по центру шляпки с чистым, поющим звуком. Гвоздь вошел в фанеру ровно, как нож в теплое сливочное масло.

— Еще раз, — шепнула я, не убирая руки с его ладони.

Второй удар. Третий. Четвертый.

Мы работали в едином ритме, словно танцевали странный, угловатый, но невероятно слаженный вальс под мерный стук железа о дерево. Через десять минут Глеб забил подряд три гвоздя и повернулся ко мне — проверял, видела ли я. Я показала большой палец, и он расправил плечи. На его лице появилось редкое, почти мальчишеское выражение чистого восторга человека, который впервые в жизни сотворил нечто осязаемое своими собственными руками.

— Получается, — выдохнул он, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба и оглядывая ровный, крепкий шов трехметрового портала. — Черт возьми, Леся, это работает.

— А ты сомневался, мажор, — улыбнулась я, искренне радуясь его успеху. — Теперь давай поднимать. Надо примерить раму к штанкетам и зафиксировать струбцинами, пока не повело диагональ.

Мы ухватились за края тяжелой фанерной конструкции.

— На раз, два, три — вверх, — скомандовала я.

Мы с натугой подняли массивный трехметровый щит, устанавливая его вертикально на дощатый настил. Рама встала на место, заслняя свет дежурного софита и создавая иллюзию настоящей средневековой замковой стены.

И тут все пошло не так.

Сверху, из открытого вентиляционного люка под крышей, внезапно ворвался бешеный порыв осеннего сквозняка. Старые кулисы на штанкетах колыхнулись, тяжелый железный противовес левой подвесной системы качнулся, сорвался со ржавого стопора и со скрежетом пополз вниз.

Трос натянулся, зацепил верхний угол нашей незакрепленной фанерной стены.

Рама с глухим хрустом накренилась. Сто килограммов березового массива и сосновых брусьев начали неотвратно заваливаться прямо на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.